

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА УСТАНОВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ МОТИВАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Анализируются проблемы доказывания мотива и цели преступления в контексте судебно-следственных действий. Предлагается системное установление мотивации преступного поведения путем определения взаимосвязей между мотивом и целью преступного деяния с учетом явлений полимотивации и множественности целей.

Ключевые слова: мотив; цель; преступное поведение; личность преступника.

Познание преступного события всегда начинается с восприятия его объективной стороны, нашедшей выражение в обстановке преступления и отразившейся на месте происшествия. Но нередко за восприятием этого «внешнего» утрачивается главное – мотивы и цели человека, совершившего расследуемое деяние.

Анализ судебно-следственной практики показывает наличие существенных проблем с установлением и доказыванием мотивации преступного поведения. Очевидно, что видимое и осязаемое «внешнее» познается с большой легкостью, чем эфемерное и неопределенное «внутреннее». Бывает сложно определить, в какой степени и какие обстоятельства осознавал виновный, что двигало им в конкретной ситуации, каково было его психическое отношение к тем или иным обстоятельствам события. В таких ситуациях приходится полагаться на мнение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, которое часто не отличается полнотой и объективностью в силу наличия у последних защитной доминанты и слабой степени осознания процессов внутренней жизни, при которых совершенное преступление объясняется аморальным или противоправным поведением потерпевшего («во всем виноват потерпевший», «он вывел меня из себя») [1. С. 155], стечением тяжелых жизненных обстоятельств («не мы такие, жизнь такая», «не было другого выхода», «так сложилась судьба») [2. С. 206–217], действием алкоголя («был пьяный», «водка виновата», «все из-за нее») [3. С. 19–21, 45–46, 97] либо вовсе остается без объяснения («ничего не помню», «был в беспамятстве», «сам не понимаю, как так получилось») [4. С. 3, 42, 53, 56–59].

Является закономерностью, что в сложных ситуациях практика идет по пути упрощения. Наиболее эффективным способом упрощения является презумпция. Под презумпцией принято понимать положение, устанавливающее наличие фактов или событий без полного доказательства их существования. Другими словами, презумпция – это вариант действий «по умолчанию» [5. С. 92]. Презумпции занимают важное место как в законодательстве, так и в практической деятельности. Всем известны уголовно-процессуальные презумпция невиновности, презумпция знания закона, презумпция защитной позиции обвиняемого в его показаниях и др.

Можно констатировать, что в современной судебно-следственной практике в отношении установления и доказывания мотивации преступного поведения сложилась триада мотивов-презумпций: «корысть, личная неприязнь, хулиганские побуждения», в соответствии с которой происходит приписывание мотива личности виновного исходя только из характера совершенного им преступления. Так, хищение предполагает корыст-

ный мотив, насильственное преступление порождается мотивом личной неприязни, преступление, не поддающееся логическому объяснению, объявляется совершенным из хулиганских побуждений. Естественно, что данные мотивы-презумпции не охватывают и не могут охватывать всего диапазона реальных внутренних побуждений личности.

Несмотря на то что такой подход обеспечивает некоторую оперативность и определенность уголовного процесса в части установления мотивации преступного поведения, его нельзя признать соответствующим действующему уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. Прежде всего, указанный подход нарушает базовый уголовно-правовой принцип субъективного вменения (ст. 5 УК РФ), поскольку мотив и цель преступления способствуют установлению вины в совершенном деянии. Мотивы и цели являются квалифицирующими признаками ряда составов преступлений. Кроме того, мотив преступления, наряду с открытым перечнем обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, входит в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ). Мотив и цель преступного деяния отражаются в итоговых процессуальных документах уголовного судопроизводства: в обвинительном заключении/акте (ст. 220, 225 УПК РФ) и в приговоре суда (ст. 307 УПК РФ).

Существующий упрощенный подход к установлению мотивации преступного поведения приводит к возникновению значительного числа судебно-следственных ошибок: неправильной квалификации преступлений, игнорированию подлинных мотивов преступления, искусственному снижению диапазона целей преступления, назначению несправедливых наказаний, неправильному применению отдельных институтов общей части уголовного права (например, назначения наказания ниже низшего предела – ст. 64 УК РФ; определения обстоятельств, исключающих преступность деяния, – гл. 8 УК РФ) [6. С. 10–11]. Верховный суд РФ в своих разъяснениях неоднократно указывал на необходимость выяснения в каждом конкретном случае мотивов и целей общественно-опасных деяний [7. П. 1; 8. П. 6].

Не случайно в теории уголовно-процессуального права существует негативное отношение к доказыванию на уровне презумпций, именуемое В.Д. Спасовичем «костылями» [9. С. 177], на которые опирается законодательство, будучи не в состоянии решить вопрос прямо и естественно; профессор С.А. Шейфер называет их «упрощенческими стереотипами доказывания» [10]. Следовательно, мотивы и цели преступления в ходе их установления подлежат доказыванию, а не предположению.

При решении проблем установления и доказывания мотивации преступного поведения, во-первых, следует отказаться от бытующего на практике мнения о невозможности установления истинных мотивов и целей преступных деяний. Уголовно-процессуальный закон обладает всем необходимым арсеналом следственных действий, позволяющим решать эту проблему. Установление мотивации преступного поведения должно основываться на деятельностном подходе психологии, в соответствии с которым личность проявляется во вне через свое поведение и поступки [11. С. 200]. При этом поведение преступника не ограничено только моментом совершения преступления, а имеет предысторию в виде допреступного поведения и послесловие – в виде постпреступного поведения [12. С. 99]. Именно судебно-следственное познание допреступного, преступного и постпреступного поведения виновного, облеченное в соответствующие процессуальные формы, позволит осуществлять доказывание субъективной стороны преступления.

Во-вторых, для правильного установления мотивации преступного поведения принципиально важно не допускать отождествления мотива и цели преступления или подмены одного другим. На практике еще часто можно встретить в обвинительных заключениях и приговорах судов по делам о хищениях и иных имущественных преступлениях формулировку совершения преступлений «из корыстных побуждений с корыстной целью». Вместе с тем мотив и цель – самостоятельные признаки преступления, которые не могут совпадать.

В-третьих, недопустимо смешивание понятий «мотив» и «эмоциональный фон» преступления [13. С. 73]. «Драка», «ссора», «опьянение», «стечение тяжелых личных или семейных обстоятельств», «угроза или принуждение», «материальная, служебная или иная зависимость», «сильное душевное волнение» не являются мотивами преступлений, а выступают обстоятельствами, благоприятствующими совершению преступления [14. С. 21]. Наконец, следует учитывать положения общей психологии о полимотивации, множественности целей и конкуренции мотивов, в соответствии с которыми стремление к достижению одной цели может быть обусловлено действием разных мотивов, равно как и наоборот, один мотив может определять достижение разных целей [15. С. 313], а в системе конкурирующих мотивов надлежит выявлять ведущий (доминирующий) мотив, определивший принятие решения о совершении преступления [16. С. 69].

Итак, установление и доказывание мотивации преступного поведения должно осуществляться комплексом следующих следственных действий:

1. Осмотр места происшествия.
2. Допрос подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.
3. Допрос потерпевшего.
4. Допрос свидетелей.
5. Обыск.
6. Судебно-психологическая экспертиза.

Алгоритм установления мотива преступного поведения путем осмотра места происшествия может быть представлен в следующем виде: «видимые последствия преступления – внешний повод преступления – ближ-

няя цель преступления». При этом выполнение данного алгоритма предполагает анализ таких элементов обстановки преступления, как последствия преступления, предметы преступного посягательства, взаимодействие с потерпевшим (жертвой), способ и средства совершения преступления, окружающие условия. Итогом осмотра места происшествия должно стать понимание того, ради достижения какого результата действовал преступник на месте происшествия.

Так, ближней целью преступления, в зависимости от его характера, может быть получение конкретных материальных благ, причинение смерти или вреда здоровью человека, уничтожение или повреждение имущества, дезорганизация работы учреждений и др. Вместе с тем никогда не следует ограничиваться установлением только ближней цели преступного деяния, поскольку такой подход исключает возможность выявления ведущего мотива преступления. Необходимость установления ведущего мотива и цели преступления соответствует позиции Верховного суда РФ о недопустимости смешивания и вменения нескольких мотивов и целей, предусмотренных разными пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ [7. П. 13]. Полагаю, что данный подход должен быть общим в судебно-следственной практике и распространяться на все виды умышленных преступлений.

Зная ближнюю цель преступления, нужно поставить вопрос, зачем, ради какой-то лично-значимой перспективы преступник стремился к достижению этой цели. Ответ на этот вопрос выявит дальнюю цель субъекта преступления и раскроет его смысловое содержание. Но если ответ на вопрос, какую ближнюю цель пытался достигнуть преступник путем совершения преступления, может быть получен посредством осмотра места происшествия, то решение задачи выявления дальнейшей цели поступка потребует обстоятельного изучения личности виновного, включая получение сведений о его биографии, личностных смыслах и чертах характера, которые могут быть процессуально зафиксированы протоколами допросов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего и свидетелей.

Путем постановки соответствующих вопросов следует вывести допрашиваемого обвиняемого (подсудимого) на общий круг его жизненных интересов, получив тем самым представление о его дальних целях и смыслах существования. Дальние цели преступления могут, например, заключаться в самоутверждении, сохранении межличностных отношений, повышении уровня материального благополучия, укреплении семейного благополучия, получении развлечений и удовольствий. При допросе потерпевшего в ситуации расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений важно установить инициатора конфликта. В этом случае необходимо установить, чем именно не устраивала ситуация инициатора конфликта. Установление внешнего повода конфликта открывает путь к определению смысловых сфер жизнедеятельности участников этого конфликта, поскольку негативная реакция субъектов на ситуацию определяется деструктивным воздействием ситуации на их лично-значимые стремления, сосредоточенные в отдельных областях жизни. Полезным может оказаться допрос лиц, которые знали субъекта преступления до совер-

шения им преступления по совместной работе, учебе, месту жительства, проведению досуга, участию в работе общественных организаций, спортивных секциях (соседи, знакомые, сослуживцы и т.п.). Эти лица, конечно, не сообщают напрямую сведения о мотивах и целях преступления, но они способны привести конкретные факты из биографии изучаемого лица, характеризующие его отношение к отдельным сторонам действительности и к самому себе.

При проведении обыска важно обращать внимание на продукты интеллектуальной деятельности преступника (дневники, записные книжки, автобиографии, заметки на полях книг, письма, записки, телеграммы, сообщения электронной почты), а также на обстановку по его месту жительства или работы.

Наиболее предпочтительным способом доказывания мотивации поведения является судебно-психологическая экспертиза, которая выступает одним из немногих процессуальных средств, предающих субъективным данным объективный доказательственный характер. Однако следует признать, что мотив и цель преступления, как признаки субъективной стороны преступления, не могут входить в предмет судебно-психологической экспертизы. При назначении судебно-психологической экспертизы необходимо ставить вопросы о мотивационно-смысловых

особенностях исследуемого лица, круге его близких и дальних целей, не ограничиваясь только получением сведений о его личностных свойствах. В свою очередь, оценка заключения судебно-психологической экспертизы в совокупности с другими доказательствами по делу должна способствовать правильному определению мотива и цели преступного деяния.

Таким образом, мотив и цель преступного деяния подлежат доказыванию наравне с другими обстоятельством по делу с использованием предусмотренных уголовно-процессуальным законом средств. Представление о мотиве преступления должно строиться на основе выявленной дальней цели преступного деяния, в то время как в качестве собственно цели преступления должна выступать ближняя цель преступного поведения. В таком виде они должны фиксироваться в итоговых процессуальных документах по делу – в обвинительном заключении, приговоре суда (например, по мотиву семейного благополучия с целью незаконного материального обогащения, по мотиву самоутверждения с целью причинения вреда здоровью и пр.). Такой подход исключит смешивание мотива и цели преступления, подмену одного другим, а покажет реальную связь между мотивом и целью преступления, раскрыв смысловую направленность личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котов Д.П.* Установление следователем обстоятельств, имеющих психологическую природу. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 152 с.
2. *Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р.* Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 256 с.
3. *Лунеев В.В.* Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 383 с.
4. *Зелинский А.Ф.* Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков, 1986. 164 с.
5. *Калиновский К.Б.* «Право презумпций» – стратегия развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Стратегии уголовного судопроизводства: Сб. материалов науч. конф. М., 2008.
6. *Рарог А.И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр пресс, 2002. 304 с.
7. *Постановление* Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве». Режим доступа: Система «КонсультантПлюс».
8. *Постановление* Пленума Верховного суда РФ от 29.04.1996 г. № 1 «О судебном приговоре». Режим доступа: Система «КонсультантПлюс».
9. *Спасович В.* Обзор решений гражданского кассационного департамента правительствующего Сената по вопросам гражданского и торгового права // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 2.
10. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1997. Режим доступа: <http://www.ssu.samara.ru/~process/g13.html>
11. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Наука, 1983. Т. 2. 302 с.
12. *Ведерников Н.Т.* Личность обвиняемого и подсудимого. Понятие, предмет и методика изучения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 174 с.
13. *Волков Б.С.* Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
14. *Думанская Е.И.* Мотив преступления как итог мотивационного процесса: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
15. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 368 с.
16. *Кудрявцев В.Н.* Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2007. 128 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 декабря 2010 г.